

Обычное зачарование заключается лишь в наложении простых магических чар — например, стихийных заклинаний пламени, льда или молнии, а также рун раскола, проклятий и тому подобных эффектов. И дело вовсе не в том, что мастера не хотели бы накладывать более мощную магию, просто они не могут. Обычное оружие совершенно не способно выдержать слишком сильные чары, если только при ковке не использовались редкие магические металлы, повышающие качество клинка и его устойчивость к магии. У такого оружия есть особое название — магическое оружие.

Однако серебряный меч, которым пользовалась госпожа Шериль, хоть и обладал весьма неплохим качеством, оставался всего лишь обычным железом. Теоретически он был совершенно неспособен выдержать хоть сколько-нибудь мощную магию, не говоря уже о том, чтобы нанести на него сразу три заклинания. Более того, в самый момент завершения работы её мощное восприятие, присущее расе демонов, отчетливо уловило едва заметное колебание душ, и источником этого колебания как раз и служили те два серебряных меча. Демоны, от природы невероятно чувствительные к духовным вибрациям, никогда бы не ошиблись. Пусть это колебание длилось меньше секунды и тут же исчезло, она могла с уверенностью сказать, что оно исходило именно из этих клинков.

Обретение оружием души звучало как нечто нереальное, сущая шутка, но когда это произошло прямо на ее глазах, кроме потрясения не оставалось никаких других чувств. В той слабой жизненной силе, что таилась в древнем и грандиозном дыхании, исходившем от трех загадочных строк начертанных рун, крылась надежда: возможно, со временем эти два серебряных меча и впрямь обретут собственное сознание.

Услышав теперь, что госпожа Шериль отдает этот меч ей, Селина даже слегка возбудилась — такой божественный клинок выпадал шанс подержать в руках едва ли не раз в жизни. Осторожно охватив пальцами рукоять и влив в клинок демоническую энергию, она пробудила потускневшие руны: те расцвели священным бледно-золотым светом, в котором послышался смутный хоровой гул, напоминающий одновременное реведение быков, ржание лошадей и рев оленей.

Ощувтив, как от клинка к ней возвращается волна тепла, Селина почувствовала, будто ее тело наливается силой. В алых глазах промелькнул хищный блеск — по самой своей природе демоны всегда испытывали непреодолимую тягу к битве. С силой оттолкнувшись ногами от земли, она взмыла в воздух стремительной черной тенью, а распахнутые за спиной крылья рассекли ветер, оставляя за собой изящный след.

Зажатый в руке острый меч с легкостью снес волчью голову и, не задерживаясь, полоснул дальше, рассекая зверя надвое. Поговорка о медной голове, железных костях и пояснице из тофу перед этим клинком, режущим металл словно грязь, казалась лишь смешной шуткой. Селина не ощутила ни малейшего сопротивления: теплая кровь омыла лезвие, отчего сияние рун, казалось, стало еще ярче, но сама девушка, погруженная в упоение бойней, даже не заметила этой странности.

Глядя на брызжущую в воздухе кровь, Юм на мгновение замерла, погрузившись в оцепенение. В ту ночь все было точно так же: взмах длинного меча, брызги крови и угасающие одна за другой живые жизни.

— Юм, берегись правого фланга!

Громкий оклик Шериль вывел Юм из оцепенения. Глядя на нескольких волков, обошедших Селину и бросившихся в атаку, девушка сверкнула гневом в бездонно-черных зрачках. Именно эти враги снова и снова пытались отнять у нее все самое дорогое. Они уже отобрали всех жителей деревни, а теперь вздумали забрать и Шериль — это непростительно!

— Юм, отведи левую ногу назад, шагни правой вперед, крепко сожми рукоять обеими руками и держи клинок сбоку от туловища. Когда волк окажется в радиусе досягаемости, сделай резкий разворот корпусом, не забывай вести за собой клинок, пусть тело движется вместе с мечом!

Услышав подсказку Шериль, Юм послушно повторила все указания и замерла с мечом наготове, ожидая нападения дикого зверя. Ближе, все ближе... Она уже отчетливо видела острые клыки, а с пасти капала слюна, разлетающаяся в воздухе на бегу. Ощущая надвигающуюся смертельную опасность, Юм на удивление не испытывала ни капли страха — хотя еще недавно ее ноги мелко дрожали. Наверное, все дело было в абсолютном доверии к Шериль. Крепче сжав в ладонях серебряный меч, девушка подумала: жизнь или смерть — всё решится одним ударом.

— Сейчас! Разворот и удар!

Стоило ушам услышать команду, как тело само собой пришло в движение. Поворот и удар слились в единое целое, в руки отдалась тяжелая упругая волна от столкновения, а следом брызнула горячая кровь.

— Юм, не расслабляйся, он еще жив! Целься зверю в поясницу и руби сверху!

Серебряный меч, не усиленный магией, оставался всего лишь серебряным оружием: хотя он был острее обычных клинков, рассечь прочный волчий череп с одного удара он не мог, но и до смерти зверю оставалось недалеко. Лежавший на земле умирающий волк выглядел ужасно, его морда была разбита, а земля вокруг забрызгана кровью, окрасившей черные одежды Юм.

Глядя на дикий ужас, отразившийся в глазах зверя, Юм вдруг хищно улынулась. Крепко сжав меч обеими руками, она не стала следовать совету Шериль и рубить с плеча — вместо этого она начала наносить удары сверху вниз, снова и снова вонзая клинок в плоть. Кровь брызгала в такт жалким стонам умирающего волка, но это не пробудило в Юм ни капли жалости, заставляя лишь яростнее и быстрее кромсать врага. До самого последнего вздоха волк отчетливо помнил бездонную тьму, полную глубокого безумия в глазах убившего его человека. Если бы можно было начать жизнь сначала, он бы ни за что на свете не посмел связываться с этой девчонкой: умереть разрубленным надвое той демонессой — еще куда ни шло, но эта человеческая самка явно жаждала изрезать его на тысячу кусков.

Глядя на то, как Юм продолжает иступленно кромсать уже мертвого зверя, Шериль слегка встревожилась:

— Хватит, Юм, довольно, он уже мертв...

Юм растерянno обернулась. На ее хорошеньком личике запеклись капли чужой крови, черные одежды насквозь пропитались алой влагой, с кончиков смоляных волос капало на рукава, а оттуда стекало на ладони и срывалось с острия зажатого в руке меча.

— Шериль, кажется, я больше не могу разжать пальцы...

Увидев это, Шериль шагнула вперед и крепко прижала Юм к груди, ни капли не заботясь о том, что ее собственные белоснежные одежды испачкались в алых потеках. Голос ее звучал невероятно мягко, словно она успокаивала капризного ребенка:

— Всё хорошо, Юм, всё уже позади...

Приговаривая это, она бережно накрыла своими ладонями сведенные судорогой пальцы Юм. Ощущая, как прежде мягкие и нежные девичьи пальчики оцепенели, испачкавшись в кровавых ошметках и липкой грязи, Шериль испытывала жалость, но понимала: через это было необходимо пройти.

Постепенно она разжала затекшие пальцы Юм, и длинный меч со стуком упал на землю, глубоко вонзившись в размягченную от луж крови почву.

Они так и стояли, прижавшись друг к другу в объятиях, пока холодноватый лунный свет озарял их фигуры под аккомпанемент заунывного волчьего вой, доносившегося со всех сторон. Возможно, стаю испугал жалкий вид их погибших сородичей, но больше никто из диких зверей не осмеливался соваться сюда и мешать им.

Вскоре Селина, перебившая почти всю стаю и оставив в живых лишь жалкие крохи, бросила сложный взгляд на замершую в объятиях Шериль Юм. Небрежным движением руки она швырнула зажатый в пальцах меч, пригвоздив к земле пытавшегося сбежать волка — неужели эта тварь надеялась уйти живой после того, как посмела потревожить покой госпожи Шериль?

Косой месяц клонился к закату. Убедившись, что бой окончен, Шериль подозвала Селину, подхватила уснувшую на ходу Юм и перебралась на другое, чистое место, где они вновь погрузились в сон.

<http://bllate.org/book/25113/2985481>